

УДК 323.2

Нефедов Сергей Александрович**УСЛОВИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭКОПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ**

Статья посвящена одному из главных условий актуализации экополитического насилия в современном мире – характеру политического режима; рассматриваются виды авторитарных режимов и их влияние на вероятность экополитического насилия.

Ключевые слова: политическое и экополитическое насилие; политические режимы; авторитарные режимы; монархические, военные и гражданские режимы; государственный переворот 2009 года в Малагаскаре.

Nefedov Sergey Alexandrovich**ACTUALIZING CONDITIONS OF ECO-POLITICAL VIOLENCE**

This article is devoted to one of the main actualizing conditions of eco-political violence in the contemporary world – to character of a political regime. It types of authoritarian regimes and their influence on probability of eco-political violence are considered.

Key words: political and eco-political violence; political regimes; authoritarian regimes; monarchist, military and civilian regimes; 2009 Malagasy coup d'etat.

Исследование экополитического насилия (насилия, детерминированного экологической деградацией) требует не только рассмотрения его сущности, форм и причин, но и благоприятствующих факторов или условий его актуализации, т. е. тех обстоятельств, которые повышают вероятность его возникновения. К таковым относятся экономические, демографические и политические условия. Бедные группы населения меньше интересуются экологией и более склонны к насилию. Наиболее точными относительно бедности населения будут показатели ВВП на душу населения и процент населения, живущего за международной чертой бедности (1,25 и 2 доллара в день), т. е. чем выше численность населения, тем большая нагрузка оказывается на окружающую среду и тем вероятнее становится политическое насилие. В демографической области наиболее удачными показателями будут темпы роста численности населения и его плотность. Политическим условиям сегодня уделяется значительно меньше внимания, хотя они играют зачастую решающую роль.

Главным политическим условием является характер существующего политического режима. Вероятность экополитического насилия выше в обществах с авторитарным режимом, т. е. режимом, в котором допускается ограниченный политический плюрализм, поощряется развитие в обществе особого менталитета и проводится интенсивная политическая мобилизация (1). Экополитическое насилие является атрибутом авторитарных режимов вследствие двух общих обстоятельств и одного частного. При авторитарных режимах их противники не имеют альтернативных насилию способов устранения причин своего недовольства. Одновременно представители режима защищены от политических и правовых последствий применения насилия, ответственности за свои решения. Частное обстоятельство состоит в том, что авторитарные лидеры чаще оставляют за рамками своего внимания экологические проблемы, которые усугубляются и со временем посредством разнообразных каузальных механизмов трансформируются в акты политического насилия.

Наиболее известным источником информации о современных авторитарных режимах является Индекс демократии (Democracy Index), ежегодно выпускаемый аналитическим отделом британского журнала «Economist». Он представляет собой перечень или каталог стран, ранжированных по уровню развития демократических институтов. Индекс демократии строится на оценке 60 индикаторов, сгруппированных в пять категорий: электоральный процесс и плюрализм; гражданские свободы; работа правительства; политическое участие; политическая культура. Каждая категория оценивается по десятибалльной шкале, а их сумма составляет индекс категории. В свою очередь сумма индексов категории устанавливает общий индекс демократии. Значение общего индекса определяет, какой тип режима существует в стране: полноценная демократия (от 8 до 10 баллов), демократия с изъянами (от 6 до 7,9 баллов), гибридный режим (от 4 до 5,9 баллов) или авторитарный режим (ниже 4 баллов) (2).

По своим характеристикам «подлинно» авторитарные и так называемые гибридные режимы очень похожи и поэтому их можно отнести к одной категории (также как и полноценные демократии и демократии с изъянами можно рассматривать как демократические режимы). Индекс демократии

охватывает 167 стран, 89 из которых – это страны с авторитарными режимами (53,3 %). Больше всего людей в мире проживает в странах с авторитарными режимами (51,6 %). Из 89 авторитарных режимов 35 находятся в Африке южнее Сахары, 19 – на Ближнем Востоке и Северной Африке, 20 – в Азии и Океании, 7 – в Европе и 8 – в Латинской Америке и Карибском бассейне (3).

Существующие авторитарные режимы неоднородны. Одни разновидности больше, а другие меньше подвержены политическому насилию. Наиболее простая и эффективная классификация авторитарных режимов строится на основе двух критериев (4). Первый критерий предполагает наличие или отсутствие у лидера режима наследственного преемника и/или предшественника. Монарх может иметь предшественников, как в случаях с Хашимитской династией в Иордании или с семьей Саудитов в Саудовской Аравии. Монарх может и не иметь предшественников (захватить власть), но считаться таковым, если он успешно передал власть члену своей семьи. Примером здесь может служить иранский шах Реза Пехлеви, захвативший власть в 1925 году и впоследствии передавший ее своему сыну Мохаммеду Пехлеви. Если имеются преемники и/или предшественники, то можно говорить о монархическом режиме.

Для оставшихся, немонархических, режимов применяется второй критерий: является или нет правитель профессиональным военным. Военным правителем считается тот, кто является или был когда-то профессиональным военным. Увольнение со службы и отказ от формы не устраняют военного статуса. Попытки казаться более привлекательным для избирателей, привыкших к гражданскому правлению, не уничтожают связи, не лишают доступа к вооруженным силам. При этом к военным правителям не относятся те, кто пришли к власти как руководители повстанческих движений. Добившиеся успеха повстанческие лидеры, такие как Фидель Кастро в Кубе, Йовери Мусевени в Уганде и Поль Кагаме в Руанде, считаются гражданскими правителями. Если у власти находится военный лидер, то это военный режим, а если нет – гражданский режим.

Таким образом, можно выделить три вида авторитарных режимов – монархический, военный и гражданский.

Монархический – это режим, при котором должность главы государства переходит по наследству от одного члена королевской семьи к другому в соответствии с принятой практикой и/или конституцией. Монархи в подлинных монархиях, в отличие от церемониальных (демократических), обладают реальной политической властью. К монархическим режимам не может относиться страна, лидер которой сам себя объявил монархом и не смог передать власть члену своей семьи.

Военный – это режим, в котором главными или господствующими политическими акторами выступают военные. Господствующее положение достигается силой или угрозой ее применения. Военные могут властвовать либо прямым, либо опосредованным образом. В первом случае они сами занимают ключевые политические должности, во втором они назначают и контролируют гражданских лидеров, оставаясь за кулисами политической жизни.

Гражданский – это режим, в котором доминирующую политическую роль играют гражданские лидеры, получившие власть в результате парламентских или президентских выборов. Гражданские лидеры не располагают развитыми семейными и родственными сетями, как монархи, и вооруженными силами, как военные диктаторы. Чтобы укрепить свое шаткое положение и компенсировать организационный «пробел», они создают режимную партию. Именно партия становится тем инструментом, посредством которого гражданские лидеры проникают в общество и устанавливают над ним контроль.

Вероятность политического насилия определяется тем, насколько авторитарные режимы будут эффективно осуществлять принуждение, выявлять противников и проводить их кооптацию (5). Принуждение является ключевым инструментом любых авторитарных правительств. Все авторитарные лидеры, в отличие от демократических, используют определенное принуждение, чтобы остаться у власти и избежать беспорядков, заговоров и войн. Военные режимы имеют сравнительное преимущество относительно принуждения, поскольку их основная задача как раз и состоит в применении насилия. В стандартной ситуации такие режимы контролируют средства, необходимые для наложения крайних насильственных санкций за неповиновение. Монархические и гражданские же режимы отличаются недостатком умений эффективно применять принуждение. Как следствие, они с меньшим желанием обращаются к стратегиям широкого террора против диссидентов, до того момента пока ситуация не выйдет из-под контроля. Монархические режимы по сравнению с гражданскими режимами имеют больше возможностей для принуждения, поскольку главенствующие позиции в силах безопасности занимают члены королевской семьи.

Эффективно, т. е. точно и вовремя, выявить потенциальных противников способна лишь организация, отличающаяся широким социальным охватом (различные социальные группы) и глубоким проникновением в общество (все социальные структуры и организации). Такой организацией и явля-

ется партия. Следовательно, что касается выявления диссидентов, то однопартийные и многопартийные гражданские режимы с этой задачей справляются значительно лучше. Монархические и военные режимы здесь проигрывают, хотя первые немного меньше. Монархии обладают религиозным и историческим авторитетом. По этой причине многие люди готовы сотрудничать с режимом, даже не смотря на его серьезные политические ошибки.

В деле кооптации, т. е. привлечения на сторону режима потенциальных противников, гражданские режимы лучше, чем монархические и военные режимы. Базой для кооптации гражданских режимов являются все группы общества, а не только узкая когорта (королевская семья или офицеры). Правители, которые полагаются на политическую партию для сохранения власти, имеют в своем распоряжении крупный селекторат – группу людей с правом выражать свои предпочтения относительно руководства и политики, людей. Это делает данные режимы очень эффективными в кооптации широких сегментов политических акторов.

Отсюда следует, что с теоретической точки зрения самым устойчивым к политическому насилию типом режима является гражданский режим, а наименее – военный. Однако изучение экополитического насилия показывает, что оно все же является особенностью гражданских режимов. Почему военные и монархические режимы не коррелируют с экополитическим насилием? Вероятнее всего, это объясняется, во-первых, относительно коротким сроком существования военных режимов, что не позволяет экологическим проблемам трансформироваться в акты политического насилия. Экологические проблемы остро проявляются уже после ликвидации военных режимов, при другом типе режима, пришедшем на смену военному. Во-вторых, большинство современных монархий находится в регионе, бедном возобновляемыми ресурсами (пресная вода, лес, пахотная земля), но богатом нефтью и газом. Главным образом благодаря своим нефтяным и газовым ресурсам они имеют самые высокие показатели ВВП на душу населения среди других видов авторитарных режимов. ВВП на душу населения в авторитарных монархиях сегодня составляет 31 929 долларов, что превышает общемировой показатель более чем в два раза, даже с учетом бедных экономик Иордании, Свазиленда и Марокко. Катар же занимает вообще первое место в мире по этому показателю (6). Кроме того, всё это монархии династического типа, который отличается повышенной стабильностью. В таких монархиях правящая семья монополизирует все ключевые государственные должности (7).

Случаи Мадагаскара, Мозамбика и Гаити иллюстрируют влияние гражданских авторитарных режимов на экополитическое насилие. Так, в Мадагаскаре на протяжении нескольких десятилетий усугублялась экологическая деградация, вызванная характерными для многих развивающихся стран причинами. Практически все сельское население, а таковое составляет большинство в стране, столкнулось с растущим дефицитом пахотной земли и сокращающимися урожаями. Понимая значение земли для страны и ее растущую стоимость, авторитарный режим перераспределил в собственных интересах дефицитный ресурс, заключив сомнительную сделку с иностранной корпорацией. Существовавшее в обществе недовольство, вызванное авторитарной политикой и сохраняющейся бедностью, только усилилось после несправедливого решения. На этой волне молодой оппозиционный политический лидер получил неожиданно большую общественную поддержку, в том числе и со стороны военных. Он относительно легко мобилизовал своих сторонников. В итоге государственный переворот, которому предшествовали несколько недель беспорядков, привел к установлению нового режима.

Литература

1. Linz J. An Authoritarian Regime: The Case of Spain // Mass Politics: Studies in Political Sociology / ed. by E. Allardt, S. Rokkan. New York: Free Press, 1970. P. 255; Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2000. P. 159.
2. The Economist Intelligence Unit. Democracy Index 2011: Democracy under Stress. London: EIU, 2011. P. 29–30.
3. Там же. P. 3–8.
4. Cheibub J. A., Gandhi J., Vreeland J. R. Democracy and Dictatorship Revisited // Public Choice. 2010. Vol. 143. P. 88–89.
5. Fjelde H. Generals, Dictators, and Kings: Authoritarian Regimes and Civil Conflict, 1973–2004 // Conflict Management and Peace Science. 2010. Vol. 27. № 3. P. 198–204.
6. International Monetary Fund (IMF). World Economic Outlook Database, April 2012. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 24.04.2012).
7. Herb M. All in the Family: Absolutism, Revolution, and Democracy in the Middle Eastern Monarchies. Albany: State University of New York Press, 1999. P. 3.